

Китайская модель защиты национально-государственной идентичности как основа концепции евразийской государственно-правовой модернизации

Рудман М. Н.

Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Российская Федерация

e-mail: markrudman@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-8837-3690

РЕФЕРАТ

В статье рассматриваются особенности и предпосылки формирования евразийства как «интегрирующей идеологии» для развития национальной государственности и наднациональной интеграции в рамках восточно-евразийского пространства. В качестве объективной основы историко-культурной и геополитической общности народов и государств евразийского пространства выделяется фактор «месторазвития», то есть анализ традиций формирования национально-государственной идентичности евразийских народов опирается на фактор геополитического расположения исторических общностей, оказывающего объективно наибольшее влияние на развитие национальных культур. В содержании статьи выделены ведущие черты евразийской государственно-правовой модернизации и роль наследия западного права в их формировании. Особое внимание уделено стремлению евразийских народов к защите историко-культурной идентичности от влияния ценностей неолиберализма, обуславливающие общие черты модернизации и перспективы формирования евразийского сотрудничества. **Цель.** Выявление особенностей сформировавшейся в Китае модели политики сохранения национально-государственной идентичности как идеологической основы процесса государственно-правовой модернизации. В качестве гипотезы исследования предполагается перспектива рассмотрения китайской политики в сфере защиты национально-государственной идентичности как универсальной в рамках восточно-евразийского пространства модели «консервативной модернизации», продемонстрировавшей свою эффективность через обретение Китайской Народной Республикой статуса мирового экономического и политического лидера при сохранении собственной культурной идентичности. **Методология.** Историзм, системный подход, междисциплинарный синтез (соединение философских, сравнительно-правовых, культурологических и социально-политических подходов). **Результаты.** Проанализирована значимость влияния традиционной конфуцианской доктрины на формирование конституционного строя как характерная черта евразийской идеологии. В качестве ведущей черты конфуцианской этики, закрепленной в действующей Конституции Китайской Народной Республики, выделяется приоритет обязанностей над правами. Из него следует государственная и социальная значимость идеи «служения», которая рассматривается в качестве фундаментальной социальной ценности, исторически формирующей национально-государственную идентичность евразийских народов. Кроме того, исследуется сходство разрабатываемой правительством Китая системы традиционных «парных ценностей» как основ государственной идеологии с базовыми ценностями евразийства как целостной парадигмы развития стран евразийского пространства. Подчеркивается значение усилий по разработке и реализации интеграционных проектов с ведущим участием Китайской Народной Республики и Российской Федерации. **Выводы.** Сделаны обобщающие выводы об отсутствии концептуальных противоречий конфуцианства как основы китайской модели государственно-правовой модернизации и культурно-исторического наследия стран восточно-евразий-

ского пространства, определяющего развитие конституционного строя в рамках национальных моделей государственно-правовой модернизации в рамках указанного региона. Содержательная близость задач государственно-правовой модернизации и методов их осуществления через приоритет защиты национально-государственной идентичности позволяет ставить вопрос о формировании концепции евразийской государственно-правовой модернизации и ее универсальном значении в развитии современного государства и права.

Ключевые слова: восточно-евразийское пространство, национально-государственная идентичность, консервативная модернизация, конфуцианство, конституционализм, евразийская интеграция, правовой регионализм

Для цитирования: Рудман М. Н. Китайская модель защиты национально-государственной идентичности как основа концепции евразийской государственно-правовой модернизации // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2026. Т. 20, № 2. С. 114–123. EDN: QLBDNJ

The Chinese Model of Protecting National and State Identity as the Basis of the Concept of Eurasian State and Legal Modernization

Mark N. Rudman

Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russian Federation

e-mail: markrudman@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-8837-3690

ABSTRACT

The article examines the features and prerequisites for the formation of Eurasianism as an “integrating ideology” for the development of national statehood and supranational integration within the Eurasian space. As an objective basis for the historical, cultural, and geopolitical commonality of the peoples and states of the Eurasian space, the factor of “place of development” is highlighted. This means that the analysis of the traditions of the formation of the national-state identity of the Eurasian peoples is based on the geopolitical location of historical communities, which has the greatest objective influence on the development of national cultures. The article highlights the key features of Eurasian state and legal modernization and the role of Western legal heritage in their formation. Special attention is paid to the desire of the Eurasian peoples to protect their historical and cultural identity from the influence of the values of neoliberalism, which determines the common features of modernization and the prospects for the formation of Eurasian cooperation. **Aim.** The purpose of this article is to identify the specific features of China’s state-legal modernization process as a universal model of “conservative modernization” within the East Eurasian space, which has demonstrated its effectiveness by allowing China to become a global economic and political leader while preserving its cultural identity. **Methods.** Historicism, systemic approach, and interdisciplinary synthesis (combining philosophical, comparative legal, cultural, and socio-political approaches). **Results.** The article analyzes the significance of the influence of the traditional Confucian doctrine on the formation of the constitutional system as a characteristic feature of the Eurasian ideology. The article highlights the priority of duties over rights as a leading feature of the Confucian ethics enshrined in the current Constitution of the People’s Republic of China. This highlights the state and social significance of the idea of “service”, which is considered a fundamental social value that has historically shaped the national and state identity of the Eurasian peoples. In addition, the article examines the similarities between the Chinese government’s system of traditional “paired values” as the foundation of its state ideology and the basic values of Eurasianism as a holistic paradigm for the development of Eurasian countries. The article emphasizes the importance of efforts to develop and implement integration projects with the leading participation of the People’s Republic of China and the Russian Federation. **Conclusions.** The article concludes that there are no conceptual contradictions

between Confucianism as the foundation of the Chinese model of state-legal modernization and the cultural and historical heritage of the countries of the East Eurasian region, which determines the development of the constitutional system within the national models of state-legal modernization in this region. The substantive proximity of the tasks of state and legal modernization and the methods of their implementation through the priority of protecting national and state identity allows us to raise the issue of the formation of a concept of Eurasian state and legal modernization and its universal significance in the development of the modern state and law.

Keywords: East Eurasian space, national-state identity, conservative modernization, Confucianism, constitutionalism, Eurasian integration, legal regionalism

For citation: Rudman M. N. The Chinese Model of Protecting National and State Identity as the Basis of the Concept of Eurasian State and Legal Modernization // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2026. Vol. 20, No. 2. P. 114–123. (In Russ.) EDN: QLBDNJ

Введение

Актуальность исследования определяется необходимостью выработки общей для стран евразийского пространства идеологии как естественного ответа на системный кризис глобальной цивилизации, вызванный доказанной в последнее столетие неприемлемостью буквального копирования западной модели цивилизации в странах евразийского пространства. Подобный подход последовательно демонстрировался в исследованиях таких авторов, как С. Ю. Глазьев [1], Р. А. Курбанов [7], В. И. Пантин [8], И. В. Зеленева и В. Д. Агеева [3] и многих других.

Научная новизна состоит в разработке фундаментальных черт евразийской государственно-правовой модернизации как основ евразийской идеологии, призванной обеспечить синтез политики поддержания национально-государственной идентичности стран евразийского пространства и углубления евразийской интеграции.

Содержание и особенности евразийской государственно-правовой модернизации определяются стремлением евразийских народов и выражающих их интересы национальных правительств теоретически определить специфическое для всех евразийских государств, включая Россию, понимание собственной национально-государственной идентичности. Оно опирается на исторически сформировавшиеся у народов Евразии ценности, что объективно делает исходной предпосылкой выработки содержания евразийского права признание обязанности каждого служить фундаментальным для культурно-исторической общности ценностям [4, с. 74].

В концепции евразийской государственно-правовой модернизации неразрывно связаны эффективность государственной политики социальной справедливости с обеспечением национального суверенитета через гарантирование доминирования национального права и законодательства в рамках государств евразийского пространства. Приоритет национального суверенитета отражает тенденцию укрепления регионализма как ведущей черты современного этапа развития мировой цивилизации. При этом многолетний опыт успешного усвоения странами восточно-евразийского пространства фундаментальных достижений западной цивилизации доказывает целесообразность их использования в процессе государственной модернизации. В качестве такого необходимого элемента выступают универсальные элементы и формы западного права, используемые в той или иной степени в государственной политике всех государств рассматриваемого региона. Отсюда следует целесообразность использования при анализе особенностей китайской модели защиты национально-государственной идентичности как основы концепции евразийской государственно-правовой модернизации категории правового регионализма. Содержание данного понятия наиболее точно отражает синтез традиционных ценностей и универсальных институтов западного права, реализуемый в развитии стран восточно-евразийского пространства. Они объективно объединены не только географической близостью, но и сходным по содержанию характером проблем государственно-правовой модернизации и защиты национально-государственной

идентичности. С полным основанием можно утверждать, что наибольших успехов на этом пути достиг современный Китай.

Баланс заимствования универсальных идей и институтов западной цивилизации с ценностями приоритета национальных интересов и традиций

К настоящему времени совокупный опыт стран Западной Европы и восточно-евразийского пространства доказывает, что для максимизации созидательных для общества эффектов научно-технического прогресса, включая техническое перевооружение производственной базы национальных экономик, снижение производственных издержек, снижение инфляции при одновременном росте инвестиций в развитие ресурсосберегающих и наукоемких технологий, необходимо экономически компетентное государственное регулирование. Его эффективность наиболее наглядно проявилась в опыте экономической и государственно-правовой модернизации государств, расположенных на юго-востоке евразийского пространства, прежде всего в Китае, Южной Корее, странах Юго-Восточной Азии [1, с. 157].

Этот опыт показывает необходимость сбалансированного отношения к заимствованию присущих западной цивилизации идей и институтов, которое может быть обеспечено только на основе приоритета национального государства, берущего на себя ответственность за стабильность и поступательное развитие национальной экономики.

Отказ от такого приоритета под влиянием идеологии либеральной глобализации порождает утрату мобилизующего потенциала государственного национализма, что порождает массовые явления социальной апатии и утраты социальной ответственности «человека экономического», осознающего себя «гражданином мира», под которым теперь понимается глобальная цивилизация, но утратившего духовно-ценностную связь с национальным государством как приоритетной сферой личной самореализации. Как отмечает В. И. Пантин, «только евразийская интеграция, опирающаяся на евразийскую идеологию, способна обеспечить действительный суверенитет государств Евразии, их самостоятельное развитие» [8, с. 21].

В настоящее время наиболее эффективную модель реализации рассмотренных основ евразийской государственно-правовой модернизации удалось создать в Китайской Народной Республике. Формулируемые российскими исследователями идеи развития евразийства как целостной парадигмы развития стран восточно-евразийского пространства созвучны содержанию государственной идеологии, разрабатываемой правительством Китая. Значение разработки государственной идеологии как ценностно-теоретической основы евразийской государственно-правовой модернизации в Китае обусловлено его развитием в качестве наиболее успешного восточно-евразийского государства, сочетающего принципиальное сохранения традиционных государственных институтов и ценностей с усвоением достижений западной цивилизации, необходимым для успешного развития экономики.

Китайская модель базовых ценностей в качестве доктринальной основы государственно-правовой модернизации

На XVIII съезде Коммунистической партии Китайской Народной Республики (далее — КНР) были официально заявлены 12 базовых ценностей китайского общества и государства в качестве доктринальной основы развития. Он были разделены на три группы — ценности государства, общества и индивида. Характерным для господствующей в Китае конфуцианской традиции является иерархия указанных понятий, в рамках которой на первое место ставится именно государство, власть и ресурсы которого в решающей степени определяют развитие общества и индивида. К группе ценностей государства отнесены богатство (могущество), демократия («народ — хозяин»), образование (цивилизация), гармония (согласие). В ценности общества входят свобода, равенство, справедливость (беспристрастность), верховенство права (правовое правление). К индивидуальным ценностям китайский законодатель относит патриотизм, преданность делу, честность (добропорядочность), дружбу (дружелюбие) [2, с. 196].

Сравнительно-правовой анализ указанных фундаментальных ценностей китайской культуры с принципами права, выработанными в истории западной цивилизации, приводит отечественных исследователей к выводу о различиях в приоритетах. «Китайская специфика в толковании права обуславливает приоритет ответственности перед свободой, публичных интересов как интересов коллектива или “большой семьи” перед индивидом, долга перед правом. Все указанные приоритеты воплощаются в принципе “гармония — выше конфликта”» [3, с. 739]. Китайские исследователи определяют их значение в качестве смыслового «ядра» современного социализма «с китайской спецификой» [13, с. 154].

Системная концепция двенадцати ценностей в оценке отечественных исследователей феномена евразийства и перспектив формирования на его основе региональной евразийской идеологии, противопоставляемой универсализму западной либеральной демократии, является приемлемой культурно-нравственной базой для формирования на ее основе общей для государств восточно-евразийского пространства консервативной идеологии. Центральное положение Китая на евразийском пространстве и возрастание его экономического могущества обуславливают возможности рассмотрения концепции двенадцати базовых китайских ценностей в качестве универсального «евразийского нарратива» [3, с. 741].

При этом, с нашей точки зрения, указанные различия не следует преувеличивать, отрицая всеобщее значение наследия западной цивилизации и универсальность конфуцианской этики. Их общее содержание на ценностном уровне выражается в том, что вне ценности служения публичным интересам в принципе невозможно становление национальной государственности. Это подтверждается как историей становления западного права, начиная с античных моделей демократии и Римской республики, так и историческим опытом развития государств восточно-евразийского пространства, среди которых одним из наиболее древних является китайское государство.

Трагический путь модернизации Китая, начавшийся еще в конце XIX в. и обусловивший становление современного конституционного строя КНР, привел китайское общество к пониманию необходимости ограниченного усвоения ведущих институтов западной цивилизации для реализации доктрины «самоусиления». В рамках этой концепции китайское правительство, начиная от реформ Дэн Сяопина до «современного китайского марксизма XXI века» Си Цзиньпина, балансирует между консерватизмом и модернизацией [12, с. 8].

Морально-идеологической основой консерватизма в процессе проведения в КНР конституционных реформ, сопровождавших широкомасштабную экономическую модернизацию, являлась этическая доктрина конфуцианства.

Все исследователи сходятся в том, что конфуцианство до настоящего времени оказывает определяющее влияние на развитие китайского общества и государства. «Социализм с китайской спецификой» при более внимательном рассмотрении опирается на синтез идей советского социализма и конфуцианства [Там же, с. 4]. Его результаты в полной мере реализованы в конституционном законодательстве современного Китая.

Положения Конституции КНР отражают готовность китайского государства признать западную модель конституционализма в качестве универсальной ценности, обеспечивающей безопасность и стимулирующей социальную активность граждан. И именно такое стимулирование, разбудившее социальную энергию китайской цивилизации в процессе начатых в 1978 г. реформ, обеспечило впечатляющие успехи китайского общества и государства в экономическом развитии [9, с. 97].

В ст. 53 Конституции КНР наряду с требованием соблюдения конституции и законодательства установлена обязанность каждого гражданина «хранить государственную тайну, беречь общественную собственность, соблюдать трудовую дисциплину и общественный порядок, уважать нормы общественной морали»¹. Расплывчатость понятий, в большей степени относящихся к категориям морали, чем юриспруденции, характерна в равной степени для традиционной конфуцианской литературы и для «социалистических» конституций государств восточно-евразийского пространства. Такой подход опирается на аксио-

¹ Конституция Китайской Народной Республики от 4 декабря 1982 г. (с поправками от 12.04.1988, 29.03.1993, 15.03.1999, 14.03.2004, 11.03.2018) [Электронный ресурс]. URL: <https://huanenet.com/ru/fl/2130.html> (дата обращения: 09.02.2026).

матическое предположение о справедливости государственной политики и ответственности за ее реализацию всех государственных служащих, получающих согласно такому законодательству возможности распоряжаться гражданами как ресурсами для достижения целей государства, которые ни теоретически, ни практически не отделены от корпоративных интересов государственной бюрократии.

Обязанности граждан КНР, согласно тексту Конституции 1982 г., закреплены в одной главе с правами, отражая их равную ценность с точки зрения авторов конституционного акта, не желающих отступать от конфуцианской традиции. Сам конституционный механизм правового регулирования функционирования китайского государства показывает, что Конституция как Основной закон рассматривается в качестве одного из инструментов государственного регулирования и всеобъемлющего контроля государства над обществом. Многие ее положения соответствуют Конституции СССР 1936 г., которую часто называют «конституцией победившего социализма», выражая евразийскую специфику установленной после краха Российской империи системы государственной власти и государственного управления. В этом контексте наиболее наглядной иллюстрацией «обязательственного подхода» к содержанию конституционного акта является ст. 42 Конституции КНР: «Граждане Китайской Народной Республики имеют право на труд и обязаны трудиться». Соединение в одном предложении права на труд и обязанности трудиться наглядно ориентировано на недопущение даже мысли о наличии права в отрыве от корреспондирующей ему обязанности. Определение труда в качестве «почетной обязанности» гражданина несет со стороны государства также воспитывающую функцию и одновременно подчеркивает недопустимость уклонения. Еще более характерным проявлением «обязательственного подхода» является указание в ст. 42 на то, что трудящиеся «должны относиться к своему труду как хозяева страны». Здесь имеет место фиксация в нормативном обязывающем документе «правды», соответствующей выделяемому философом В. Н. Ильиным и историком М. В. Шахматовым «нравственному переживанию долга», характерному, с их точки зрения, для исторически сформировавшегося евразийского государственного идеала [6, с. 68]. В ходе модернизации Китая такое отношение усваивается китайскими реформаторами, рассматривающими его в качестве неотъемлемого элемента конфуцианской традиции государственного регулирования. Как и в российской модернизации, включавшей с 1905 г. те или иные варианты проведения конституционных реформ с учетом исторически сформировавшейся национально-государственной идентичности, китайское государство усваивает в качестве универсальной форму законодательного регулирования социальной жизни через понятие конституции, но включает в нее выработанное конфуцианской традицией приоритета долга каждого перед обществом как перед семьей содержание. При этом господство «правды» реализуется государством через положения Конституции, которые предписывают правильное отношение гражданина к своему долгу в качестве обязательного переживания. Из ст. 41, устанавливающей право на критику в адрес государственных учреждений, следует обязанность не допускать клеветы: «недопустимо оговаривать и порочить людей, фальсифицируя или подтасовывая факты».

Показательным с точки зрения проявления общих свойств политической культуры евразийских народов является характер закрепления в Конституции КНР правового статуса «человека и гражданина». В китайской литературе подчеркивается актуальная для сохранения национально-культурной идентичности идея специфичности использования классических для западного права институтов прав человека: «У китайского народа сложились свои представления о правах человека, эти представления вытекают из исторических условий и конкретных реалий страны, основываются на длительном опыте. В соответствии с этими представлениями в Китае были разработаны соответствующие законы и политические установки» [5, с. 18].

Характерную для евразийских стран традицию многовековой культурно-исторической изоляции выражает тот факт, что в Конституцию КНР включены общепризнанные права человека, но официальная позиция властей состоит в том, что они отражают «китайскую специфику», как и вся система заимствования западных ценностей и институтов. Ведущая роль рассмотренного выше «культурно-исторического наследия» в таком подходе выражается в подчеркивании не общих черт в развитии общества и государства разных народов, на чем основана концепция прав человека, а их различий, обусловленных особенностями исторического процесса формирования локальной цивилизации.

Надо отметить, что такой подход является классическим для культурологии как науки об индивидуальных особенностях локальных цивилизаций. И официальная позиция правительства КНР выражается в придании этим различиям ведущего характера в выработке политики и законодательства. Такое отношение совпадает с исходным тезисом евразийской идеологии, отрицающим утверждение универсальности западной цивилизации и западной концепции прав человека. Как отмечает А. С. Федонова, развитие современного китайского государства опирается на «продвижение» собственной концепции прав человека. Она основана на синтезе доктрин конфуцианства и марксизма [10, с. 385]. При более глубоком анализе это утверждение представляется некорректным, поскольку классическая теория марксизма предполагает наличие развитого гражданского общества, в состоянии которого производитель — рабочий класс — возникает, политически развивается и осваивает основанные на рационализме и предприимчивости методы защиты своих интересов. Во всех государствах восточно-евразийского пространства в силу геополитических и культурно-исторических факторов такой слой, необходимый для экономической и политической модернизации, отсутствовал. Поскольку именно в таких условиях, характерных для восточно-евразийского пространства, в советской России, а затем и в СССР вырабатывалась идеология советского социализма, то более обоснованным следует считать синтез традиционной китайской государственности именно с институтами советского социализма.

Синтез универсальных институтов прав человека и китайской модели защиты национально-государственной идентичности

Понимание соотношения доктрины прав человека и конфуцианской традиции возможно только при учете конфуцианского принципа приоритета коллективных прав, под которыми в рамках понимания государства как «Большой семьи» следует понимать полномочия коллектива-государства устанавливать обязанности индивидов как членов общины. Чтобы стать достойным членом «Большой семьи», каждый индивид обязан выполнять свои обязанности перед коллективом, среди которых первое место занимают самосовершенствование, подчинение законам коллектива-государства, волевая способность ограничивать свои запросы и потребности в интересах «общего блага». То есть основа понимания «человека» в конфуцианстве состоит в его умении играть отведенную ему коллективом-государством социальную роль, а именно — выполнять свои социальные обязательства перед коллективом-государством. Утверждение о том, что в конфуцианской традиции полномочия коллектива-государства преобладают над индивидуальными правами, лишено основания, потому что конфуцианство, а следовательно, и вся система «исторического и культурного наследия» КНР, в принципе не содержит самого понятия индивидуальных прав. Проблема правовой интеграции западной и китайской систем правопонимания в том, что индивидуальные права изначально отрицают обязанность следования социальной роли, на которой держатся порядок и процветание общества согласно конфуцианской доктрине [11, с. 88]. Индивидуальные права, из толкования которых в западной философии права выросли универсальные институты прав человека, в принципе независимы от предписанной социальной роли, и потому с точки зрения конфуцианской традиции представляют собой угрозу коллективу-государству как «Большой семье». Сущность этой угрозы в том, что индивидуальные права, отражая требование признания высшей ценности индивидуальной свободы, отрицают фундаментальные для его функционирования семейные общественные связи и существующую на их основе социальную иерархию, которая и составляет сущность государства.

С нашей точки зрения, исходные положения конфуцианской этики о приоритете публичных интересов, выражаемых в категориях «Большой семьи», представляют собой отражение универсальных ценностей всеобщей истории государства и права. Они в равной степени присущи историческим моделям социального взаимодействия в странах Западной Европы и восточно-евразийского пространства. Неотъемлемыми элементами римского права и становления наций-государств Нового времени в рамках Западной Европы, расширившейся до «Большой Европы», под которой понимаются практически все страны мира, в той или иной степени опирающиеся на ценности, идеи, институты и терминологию исторически сформировавшейся в Западной Европе доктрины «западного права», являлись идеи патрио-

тизма и служения обществу. Если в эпоху Римской республики объектом такого служения, одновременно являвшимся высшей ценностью морально-нравственного и политико-правового характера, являлся «римский народ», то в Китае аналогичные идеи выражались в категориях «Большой семьи». Но ни одна государственно-правовая культура восточно-евразийского пространства, как и «нация-государство» Западной Европы, не могла исторически развиваться без спланированной индивидов в политическую общность — нацию — идеи государственного служения. Исторически обусловленные различия ценностно-правового или геополитического характера обнаруживались в понимании объекта служения, но не в самой его сущности, воплощенной в конфуцианской этике.

Заключение

Таким образом, в результате исторически обусловленной общекультурной близости евразийских народов, развивавших национальную государственность в схожих геополитических условиях, в настоящее время складываются предпосылки для углубления евразийской интеграции. Ее ведущей особенностью является стремление всех ее участников к проведению государственно-правовой модернизации путем синтеза достижений основанной на идеале правового государства западной модели модернизации с основами традиционной национально-государственной идентичности.

Развитие международного сотрудничества на восточно-евразийском пространстве характеризуется рядом общих черт государственно-правовой модернизации, противопоставляемых либеральным традициям западной модернизации. Но способы официального закрепления нормативной базы государственного развития стран восточно-евразийского пространства опираются на универсальные формы систематизации права, выработанные в процессе становления западного права эпохи Просвещения. Такой синтез дает основания для утверждения о реализации в рамках восточно-евразийского пространства специфической формы правового регионализма. В рамках данного понятия оптимальным образом отражается сочетание универсальных ценностей правового государства с региональными историко-культурными особенностями национальных моделей модернизации, воплощенных в системной политике по защите национально-государственной идентичности.

В настоящее время максимальной степени эффективности в реализации характерных для евразийства идей синтеза традиционных ценностей национально-государственной идентичности и правовых институтов западной модернизации удалось добиться в рамках китайской модели правового регионализма, развивающейся на базе доктрины «социализма с китайской спецификой». Эффективное сочетание государственной идеологии традиционных ценностей, способствующей воспроизводству национальной идентичности, с успешной экономической модернизацией, обеспечившее современному Китаю статус мирового лидера, позволяет поставить вопрос о заимствовании китайского опыта правового регионализма для других государств восточно-евразийского пространства.

Развитие евразийской интеграции и объективных общих черт процессов государственно-правовой модернизации большинства евразийских стран дает основания для использования термина «восточно-евразийское пространство». Под ним подразумевается региональная общность народов восточной Евразии, в той или иной степени противопоставляемая западной цивилизации с целью сохранения национально-культурной идентичности и государственного суверенитета. Восточно-евразийское пространство объединено общностью геополитических условий становления национальных культур и государств и сходными проблемами сочетания в развитии универсальных институтов правового государства, исторически присущих для региона Западной Европы, с сохранением основ национально-государственной идентичности.

В контексте евразийской государственно-правовой модернизации восточно-евразийское пространство является геополитическим по содержанию понятием, обозначающим территориальные рамки евразийского региона, страны которого объединены близостью исторических моделей государственности и проблем модернизационного развития, порожденных естественным стремлением сохранения и воспроизводства национально-культурной идентичности, реализуемым в государственной политике. Часто используемое в литературе, затрагивающей вопросы развития евразийства, понятие «евразийского

пространства» представляется некорректным, так как географическая Евразия охватывает страны Азии и Европы.

Анализ китайского опыта государственно-правовой модернизации и его близости в плане стремления к сохранению национально-государственной идентичности с другими странами восточно-евразийского пространства на фоне достигнутых Китаем успехов позволяет утверждать о целесообразности использования опыта китайской «консервативной модернизации» в качестве исходной модели для углубления аналогичных преобразований во всех странах восточно-евразийского пространства. Обобщение исторического опыта и целей государственно-правовой модернизации стран рассматриваемого региона, с нашей точки зрения, позволит сформировать универсальную в его географических пределах концепцию евразийской государственно-правовой модернизации.

Список литературы

1. Глазьев С. Ю. За горизонтом конца истории. М. : Проспект, 2021. 416 с. ISBN: 978-5-392-33676-0. EDN: UJOQSH
2. Дубкова О. В. К проблеме определения базовых ценностей в картине мира китайцев // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2020. № 3 (832). С. 193–203. EDN: VOIPCC
3. Зеленева И. В., Агеева В. Д. Идеология евразийской интеграции // Постсоветские исследования. 2018. Т. 1, № 8. С. 736–745. EDN: YRYDYT
4. Каширкина А. А., Морозов А. Н. Формации правового развития евразийской интеграции и их влияние на правовую систему Российской Федерации // Журнал российского права. 2014. № 8. С. 73–83. EDN: SKHOUP. DOI: 10.12737/5279
5. Кириллова Т. К., Гуткович О. А. Специфика правовой системы Китайской Народной Республики как социалистического государства // Закон. Право. Государство. 2025. № 3 (47). С. 17–20. EDN: DKVPJR
6. Крымов А. В., Романовская В. Б. Евразийская доктрина государства и права : монография ; Министерство образования и науки Российской Федерации. Нижний Новгород : Изд-во Нижегородского госуниверситета, 2010. 99 с.
7. Курбанов Р. А. Современные формы региональной интеграции сквозь призму евразийского права // Вестник Российской академии наук. 2017. № 5. С. 449–457. EDN: YSDPRH. DOI: 10.7868/S0869587317050048
8. Пантин В. И. Идеологические основы евразийской экономической интеграции // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2022. Т. 22, № 1. С. 17–29. EDN: XAKLBP. DOI: 10.22363/2313-0660-2022-22-1-17-29
9. Рудман М. Н. История конституционной модернизации в странах «Большой Европы» и восточно-евразийского пространства. Уфа : УУНИТ, 2024. 106 с. ISBN: 978-5-7477-5989-3. EDN: UDDWDJ
10. Федонова А. С. Китайская концепция прав человека и ее международное продвижение // Молодой ученый. 2022. № 19 (414). С. 383–387. EDN: YOBJIM
11. Холиков Н. А. О сложности модели правовой системы Китайской Народной Республики // Правовая жизнь. 2025. № 1 (49). С. 81–89. EDN: GDEANW
12. Хань И. Китаизация марксизма в XXI веке // Философская мысль. 2025. № 10. С. 1–19. EDN: VLNZUL. DOI: 10.25136/2409-8728.2025.10.75889
13. Янь Ц., Лю Л., Цзяо М. Мультимодальные метафоры ядерных ценностей китайского социализма в языковом ландшафте // Политическая лингвистика. 2022. № 3 (93). С. 152–159. EDN: GLCYSB

Об авторе:

Рудман Марк Наумович, кандидат исторических наук, магистр права, доцент, доцент кафедры теории государства и права, Уфимский университет науки и технологий (Уфа, Российская Федерация); e-mail: markrudman@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-8837-3690

References

1. Glazyev, S. Yu. *Beyond the Horizon of the End of History*. Moscow : Prospekt, 2021. 416 p. ISBN: 978-5-392-33676-0. (In Russ.) EDN: UJOQSH
2. Dubkova, O. V. Revisiting the Problem of Determining Basic Values in the Worldview of the Chinese // *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*. 2020. No. 3 (832). P. 193–203. (In Russ.) EDN: VOIPCC
3. Zeleneva, I. V., Ageeva, V. D. Ideology of Eurasian Integration // *Post-Soviet Studies*. 2018. Vol. 1, No. 8. P. 736–745. (In Russ.) EDN: YRYDYT
4. Kashirkina, A. A., Morozov, A. N. Formations of Legal Development of Eurasian Integration and their Impact on the Legal System of the Russian Federation // *Journal of Russian Law*. 2014. No. 8. P. 73–83. (In Russ.) EDN: SKHOUP. DOI: 10.12737/5279
5. Kirillova, T. K., Gutkovich, O. A. The Specifics of the Legal System of the People’s Republic of China as a Socialist State // *Lex. Jus. Civitas*. 2025. No. 3 (47). P. 17–20. (In Russ.) EDN: DKVPJR
6. Krymov, A. V., Romanovskaya, V. B. *Eurasian Doctrine of State and Law : monograph ; Ministry of Education and Science of the Russian Federation*. Nizhny Novgorod : Publishing house of Nizhny Novgorod State University, 2010. 99 p. (In Russ.)
7. Kurbanov, R. A. Modern Forms of Regional Integration through the Prism of Eurasian Law // *Herald of the Russian Academy of Sciences*. 2017. No. 5. P. 449–457. (In Russ.) EDN: YSDPRH. DOI: 10.7868/S0869587317050048
8. Pantin, V. I. The Ideological Foundations of Eurasian Economic Integration // *Vestnik RUDN. International Relations*. 2022. Vol. 22, No. 1. P. 17–29. (In Russ.) EDN: XAKLBP. DOI: 10.22363/2313-0660-2022-22-1-17-29
9. Rudman, M. N. *History of Constitutional Modernization in the Countries of “Greater Europe” and the East Eurasian Space*. Ufa : UUST, 2024. 106 p. ISBN: 978-5-7477-5989-3. (In Russ.) EDN: UDDWDJ
10. Fedonova, A. S. The Chinese Concept of Human Rights and Its International Promotion // *Young Scientist*. 2022. No. 19 (414). P. 383–387. (In Russ.) EDN: YOBJIM
11. Kholikov, N. A. On the Complexity of the Model of China’s Legal System // *Legal Life*. 2025. No. 1 (49). P. 81–89. (In Russ.) EDN: GDEANW
12. Han, Y. The Sinicization of Marxism in the 21st Century // *Philosophical Thought*. 2025. No. 10. P. 1–19. (In Russ.) EDN: VLNZUL. DOI: 10.25136/2409-8728.2025.10.75889
13. Yan Qiuju, Liu Lifan, Jiao Min. Multimodal Metaphors of the Core Values of Chinese Socialism in Linguistic Landscapes // *Political Linguistics*. 2022. No. 3 (93). P. 152–159. (In Russ.) EDN: GLCYSB

About the author:

Mark N. Rudman, PhD in History, Master of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theory of State and Law, Ufa University of Science and Technology (Ufa, Russian Federation);
e-mail: markrudman@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-8837-3690

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Рудман М. Н., 2026